

**Министерство высшего образования и науки РФ
Федеральное государственное учреждение науки
Институт славяноведения РАН
(ИСл РАН)**

Отдел истории средних веков

**Доклад по научно-квалификационной работе
очного аспиранта ИСл РАН,
обучающегося по направлению
46.06.01 Исторические науки и археология,
направленность «Всеобщая история (соответствующего периода)»**

РИДЭЛЯ Ивана Петровича

на тему

**Идея богоизбранного народа
в общественно-политической мысли
западославянских народов
(позднее Средневековье – раннее Новое время)**

Научный руководитель:

к.и.н., в.н.с. ИСл РАН

Мельников Георгий Павлович

Допустить к защите

« ___ » _____ 2019 г.

Москва, 2019

Актуальность темы исследования.

Всемирная история – это область исторической науки, разрабатывающая фундаментальные проблемы всемирно-исторического процесса. Одно из важнейших её направлений – изучение истории общественно-политической мысли, ведь именно общественная мысль (в том числе, как область идеологии) формирует те массовые явления, которые создают и разрушают государства, трансформируют общества и международные политические реалии¹. Одной из самых влиятельных и масштабных идей для общественно-политической мысли европейских народов со времён Средневековья является идея богоизбранного народа. Область её распространения шире, чем область христианской культуры, поскольку избранными богом/богами считали и считают себя мусульмане, иудеи и многие политеистические народы. В то же время именно в своей христианской форме эта идея сыграла существенную роль в истории славянских народов, т.к. они с момента собственного становления, обретения государственности и письменности вошли в пространство христианской культуры и идеологии.

Осуществление полного и разностороннего анализа развития идеи богоизбранного народа в истории и культуре разных народов, в том числе славянских, является чрезвычайно актуальным для современной исторической науки, поскольку отражает процесс формирования национального самосознания и мессианистских идеологических конструктов, сыгравших огромную роль в историческом развитии человечества. Для лучшего понимания истоков идеи богоизбранного народа, её места и значения в историческом процессе, следует выявить закономерности её развития, его общие и частные элементы в исторической судьбе разных народов. Наше исследование служит анализу мессианистских идей в конкретной этнокультурной среде в конкретный исторический период: у западнославянских народов (таких как чехи и поляки) в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени, когда эти идеи у данных народов впервые сформировались и получили массовое распространение.

¹ Данная область исследования полностью соответствует требованиям, предъявляемым к научным работам по специальности 07.00.03 «Всеобщая история (соответствующего периода)».

Теоретическое и практическое значение работы.

На волне повышенной актуальности в наши дни исследований, посвящённых национализму и националистическим идеологиям, зачастую базирующимся на идее богоизбранности отдельной нации², на наш взгляд, весьма ценно исследовать те пути, которые идея богоизбранного народа прошла в своём историческом развитии. Данное исследование выявляет закономерности развития идеологии богоизбранного народа на конкретных примерах общественно-политической мысли западнославянских народов позднего Средневековья и раннего Нового времени. Выявление такого рода закономерностей должно способствовать лучшему пониманию принципов формирования национализма, перспектив и ключевых особенностей мессианизма как культурного и политического феномена.

Цель исследования – определить содержание идеи богоизбранного народа в чешской и польской общественно-политической мысли позднего Средневековья и раннего Нового времени, место этой идеи в чешском и польском социумах рассматриваемого периода, выделить характерные черты возникновения и развития рассматриваемой идеи.

Соответственно, его **задачи** можно обозначить следующим образом:

1. на основе текстов источников выделить характерные для данной эпохи и региона особенности идеи богоизбранного народа;
2. проследить динамику возникновения и развития данной идеи у западнославянских народов в выбранный период;
3. проанализировать сходства и различия чешской и польской моделей богоизбранного народа в рамках рассматриваемого периода.

² См. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991; Смит Э.Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004.

Характеристика источников.

Источниками данного исследования являются чрезвычайно разнообразные памятники общественно-политической мысли позднего Средневековья и раннего Нового времени:

1. **Исторические хроники и трактаты:** хроника Козьмы Пражского, хроника так называемого Далимила, хроника Пршибика Пулкавы, хроника Джованни Мариньолы, «Гуситская хроника» Лаврентия из Бржезовой, анонимный «Краткий чешский летописец», «История Польши» Яна Длугоша, «Трактат о двух Сарматиях» Мачея Меховского, «Польская хроника» Станислава Ожеховского, «Литовская хроника» Матея Стрыйковского;

2. **Тексты публичных выступлений** Яна Гуса, Иеронима Пражского, Яна Желивского, Петра Скарги, Станислава Ожеховского и др.: проповеди, а также речи в рамках богословских диспутов и сеймов;

3. **Юридические документы:** постановления сеймов и городских советов, королевские указы: чин коронации чешского короля и «Золотая булла» Карла IV, Указ об основании Пражского университета, законы гуситской Праги и Табора;

4. **Произведения художественной литературы:** гуситские песни, сатирические поэмы (в частности, из Будишинской рукописи), стихи и поэмы польских приверженцев сарматской идеологии;

5. **Пропагандистские листовки, манифесты:** манифесты гуситской Праги и таборитов;

6. **Письма и официальные послания:** письмо Хилария из Литомержиц королю Иржи из Подебрад, письма Станислава Ожеховского;

7. **Отчёты посольств:** отчёт посольства Иржи из Подебрад к римскому папе, отчёт польского посольства во Францию к королю Генриху Валуа;

8. **Автобиографии:** «Vita Caroli» Карла IV;

9. **Политические трактаты:** Яна из Рабштейна, Станислава Ожеховского, Анджея Волана, Анджея Фрыч-Моджевского, Войтеха Демболенцкого, Шимона Старовольского, Лукаша Опалиньского.

10. **Богословские трактаты:** «О церкви» Яна Гуса, «О таборитских священниках» Яна Пршибрама.

Эти разнородные группы источников (от придворной хронистики и диспутов университетских интеллектуалов до сатирических песен простонародья) в разной мере отражают идею богоизбранного народа в её динамике и сословной специфике.

Историографический обзор.

Концепции богоизбранного народа (мессианство/мессианизм) в чешской и польской общественно-политической мысли подробно рассматривались в научной литературе отдельно друг от друга.

Идеология эпохи Карла IV подробно рассмотрена в работах чешских историков З. Фиалы «Předhusitské Čechy», К. Кубиновой «Imitatio Romae. Karel IV a Řím», М. Нодла «Karel IV. ve své epoše» и Й. Спевачека «Karel IV. Život a dílo»³. Эти исследователи первыми выявили мессианистский характер придворной идеологии Карла IV, в полноте охарактеризовали мировоззрение этого монарха и созданную им идеологию.

Чешский мессианизм гуситской эпохи и её мировоззрение подробно исследованы в работах «Husitské myšlení» Р. Каливоды, «Idea národa v husitských Čechách» Ф. Шмагеля, «Věk podebradský» Р. Урбанека и «Víra a zbožnost jagellonského věku» Й. Мацека⁴. Эти исследователи подошли к вопросу мировоззрения гуситов с разных сторон. Если для Р. Каливоды и Й. Мацека, которым свойственен классовый подход к истории, гуситство – это в первую очередь явление социальное (революция), то Р. Урбанек, писавший на полстолетия раньше, видит в нём в первую очередь явление

³ Fiala Z. Předhusitské Čechy. Praha: Svoboda, 1978. 421 s.; Kubínová K. Imitatio Romae. Karel IV a Řím. Praha: Artefactum, 2006. 441 s.; Nodl M. Karel IV. ve své epoše // Nodl M. Tři studie o době Karla IV. Praha: Argo, 2006. S. 21-64; Spěváček J. Karel IV. Život a dílo. Praha: Svoboda, 1979. 720 s.

⁴ Kalivoda R. Husitské myšlení. Praha: Filosofia, 1997. 367 s.; Šmahel F. Idea národa v husitských Čechách. České Budějovice: Růže, 1971. 230 s.; Urbanek R. Věk podebradský // České dějiny. D.III, část 1. Praha: Jana Laichtera, 1915. 976 s.; Macek J. Víra a zbožnost jagellonského věku. Praha: Argo, 2001. 488 s.

религиозное (реформацию). Для Ф. Шмагеля характерен симбиоз этих подходов, он делает акцент на мировоззрении разных группировок, в том числе рассматривает протонациональные представления современных гуситам чешских католиков. Использованное учёным в работе «*Idea národa v husitských Čechách*» разделение представителей чешской общественной мысли XV в. на ранних гуситов, умеренных гуситов, радикалов и католиков, представляется нам оптимальным и было принято за исходное при создании раздела, посвящённого гуситской эпохе.

В отечественной историографии идеологическим представлениям чехов XII-XIV вв. посвящён ряд работ Б.Н. Флори, в первую очередь «Этническое самосознание чешской феодальной народности в XII-начале XIV в.» и «Западная империя и её восточные соседи в восприятии первых западнославянских хронистов»⁵. Учёный открыл для отечественной науки область чешской идеологии зрелого Средневековья. Анализируя хроники и другие памятники общественно-политической мысли, исследователь выделил главные черты этнического и политического мировосприятия жителей средневековой Чехии.

Г.П. Мельников в работе «Чешская общественная мысль XIV в.»⁶ исследовал протонационализм хроники псевдо-Далимила и мессианскую идеологию эпохи Карла IV на основе текстов и документов, созданных самим императором и его окружением. В сферу научных интересов Г.П. Мельникова входят идеологические и историософские концепции позднего Средневековья, автором написано много разноплановых статей, посвящённых тематике близкой к теме нашего исследования.

⁵ Флоря Б.Н. Этническое самосознание чешской феодальной народности в XII-начале XIV в. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. С. 96-201; Флоря Б.Н. Западная империя и её восточные соседи в восприятии первых западнославянских хронистов // Славяне и их соседи: имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-восточной Европы. М., 1995. С. 25-30.

⁶ Мельников Г.П. Чешская общественная мысль XIV в. // Общественная мысль в России и других славянских странах в эпоху развитого Средневековья / Отв. ред. Б.Н. Флоря. М.: Индрик, 2014. С. 355-430.

А.В. Рандин в работе «Гуситская революция и Пражский университет»⁷ подробно исследовал мировоззрение пражских интеллектуалов гуситской эпохи, комплексно рассмотрел идейные трансформации интеллектуальной элиты королевства.

Характерная для Польши XV-XVIII вв. протонациональная идеология сарматизма глубоко и всесторонне изучена в польской научной литературе.

С. Кот в работе «Świadomość narodowa w Polsce wieku XV-XVII»⁸ одним из первых подробно и объективно описал происхождение сарматских идеалов и принципов. Сконцентрировавшись на вопросе формирования национального сознания, он пришёл к выводу, что поводом для развития польского самосознания стали столкновения и войны с немецкими крестоносцами в начале XV в. Главной идеологической целью сарматизма он считал обращение соседей-язычников в «истинную» веру, проповедь им словом и делом. Кот также подробно рассмотрел национальное мировосприятие этнических меньшинств Польского королевства. Для него ключевым является само понимание слова «narod» разными представителями населения Речи Посполитой.

Историк литературы Я. Мачеевский в своей программной статье «Sarmatyzm jako formacja kulturowa: (geneza i główne cechy wyodrębniające)»⁹ выделял характерные для сарматизма антиномии, неразрешимые противоречия, показывающие единство составляющих этот феномен противоположностей. По его мнению, история сарматизма это путь от свободомыслия к консерватизму, постепенное сословное замыкание шляхты. В этом он видит главную причину краха шляхетской республики: предательство ренессансных идеалов всеобщей свободы ради сословной выгоды дворянства привело к глубокому кризису королевства.

⁷ Рандин А.В. Гуситская революция и Пражский университет / Монография. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 1994. 129 с.

⁸ Kot S. Świadomość narodowa w Polsce wieku XV-XVII: odczyt w Oddziale Krakowskim Polskiego Towarzystwa Historycznego // Kwartalnik Historyczny, T. LII. Lwów, 1938. S. 3-21.

⁹ Maciejewski J. Sarmatyzm jako formacja kulturowa: (geneza i główne cechy wyodrębniające) // Teksty: teoria literatury, krytyka, interpretacja. №4 (16). Warszawa, 1974. S. 13-42.

Ч. Хернас в работе «Złota wolność: (notatki do interpretacji)»¹⁰ подробно разобрал разные аспекты сарматского понимания свободы. Идея свободы, с его точки зрения, является основанием сарматского идеологического конструкта. При этом границы этой свободы и её разное понимание напрямую отражаются на понимании границ «свободного народа сарматов» и его исторической миссии. Большинство идеологов сарматизма считали, что богоизбранным «народом Польши» является лишь дворянство (шляхта), и именно его сословная и государственная свобода является основой польского республиканского государства.

Особо следует выделить многочисленные труды Я. Тазбира, посвящённые идеологии и культуре эпохи сарматизма, и, в частности, энциклопедическую работу «Rzeczpospolita i świat»¹¹, в которой общественная и культурная жизнь сарматизма была рассмотрена (по-видимому) со всех возможных сторон. Автор подробно проанализировал истоки и практики сарматской идеологии и стиля жизни, исследовал как автостереотипы и представления её сторонников, так и мнение о них сторонних наблюдателей. Серьёзному анализу он подвергнул религиозные и культурные основания сарматизма. В остроумном и скрупулёзном описании Тазбира Речь Посполитая XVI-XVII вв. приобретает живые очертания, благодаря детальной передаче атмосферы и идейного фона описываемой эпохи.

В отечественной науке идеология сарматизма впервые была подробно рассмотрена в работе искусствоведа Л.И. Тананаевой «Сарматский портрет: из истории польского портрета эпохи барокко», вышедшей в 1979 году¹². Работа Тананаевой в первую очередь нацелена на ознакомление читателя с историей польского изобразительного искусства XVI-XVIII вв., однако, автор убеждена, что история искусства невозможна в отрыве от истории культуры, поэтому целый раздел книги посвящён идеологии

¹⁰ Hernas Cz. Złota wolność: (notatki do interpretacji) // Teksty: teoria literatury, krytyka, interpretacja №4 (16). Warszawa, 1974. S. 1-11.

¹¹ Tazbir J. Rzeczpospolita i świat. Wrocław: Zakład narodowy im. Ossolińskich, 1971. 212 s.

¹² Тананаева Л.И. Сарматский портрет: из истории польского портрета эпохи барокко. М.: Наука, 1979. 304 с. О сарматизме писал также А.В. Липатов в 1977 году, однако его работы посвящены больше истории литературы, чем общественно-политическим воззрениям эпохи.

сарматизма, с целью более полно раскрыть её всеохватывающий и всепроникающий характер.

Л.И. Тананаева отмечает сущностное взаимодополнение польской и литовской культур внутри Речи Посполитой. По её мнению, они выступают в качестве противоположностей, которые, с одной стороны, борются друг с другом, а с другой – дополняют друг друга и создают уникальное культурное единство¹³.

Важным отечественным исследованием, касающимся дворянской идеологии эпохи сарматизма, является статья «Польская шляхта в XVI-XVIII веках» в сборнике «Европейское дворянство XVI-XVII вв.: границы сословия» (1997 г.), написанная М.В. Дмитриевым¹⁴. Автор в первую очередь говорит о генезисе самого понятия «шляхта», происходящего от немецкого слова «geschlecht» (род)¹⁵. Исследователь констатирует, что **нарисовать единый портрет шляхты невозможно**, поскольку дворяне Речи Посполитой сильно различались по религиозному, социально-экономическому, языковому и другим признакам. Бедная шляхта («голото») и богатая («магнатерия») по-разному оценивали интересы государства: в частности, выгодная магнатерии война несла бедствия и гибель массе бедного дворянства.

Реальная иерархия шляхты очень сложна, и нельзя судить о ней только по имущественным показателям. М.В. Дмитриев писал, что близость шляхтича к влиятельному магнату значила часто гораздо больше, чем его денежный достаток¹⁶. Автор цитирует польского исследователя А. Вычаньского, который писал, что термин

¹³ Тананаева Л.И. Сарматский портрет: из истории польского портрета эпохи барокко. М., 1979. С.15.

¹⁴ Дмитриев М.В. Польская шляхта в XVI-XVIII веках // Европейское дворянство XVI-XVII вв.: границы сословия. М.: Археографический центр, 1997. С. 192-215. Основные тезисы этой статьи затем были развиты и дополнены автором в рамках написанного им раздела по польскому Средневековью в первом томе учебника «История южных и западных славян»: Дмитриев М.В. Польские земли в Средние века и раннее Новое время // История южных и западных славян: в 2 т. Учебник / под ред. Г.Ф. Матвеева и З.С. Ненашевой. 3-е издание. Т.1: Средние века и Новое время. М.: МГУ, 2008. С. 135-241.

¹⁵ Дмитриев М.В. Польская шляхта в XVI-XVIII веках. С. 192.

¹⁶ Там же. С. 194.

«средняя шляхта» не является социально-экономическим, а представляет собой политический и культурный феномен¹⁷. «Внеюрисдикционные связи» играли в жизни польского дворянства ничуть не меньшую роль, чем зафиксированные законами отношения. Такие факторы как грамотность или безграмотность шляхтича, его родственные связи, престиж рода, должность, роль в сейме и, конечно, личные знакомства имели колоссальное значение.

В развитии шляхетской демократии М.В. Дмитриев выделяет две разнонаправленные тенденции: первая из которых – консолидация дворян, происходила в XVI веке и привела к созданию республики, а вторая – их расслоение, охватила собой два последующих столетия и в итоге уничтожила государство¹⁸. Исследователь констатирует, что к XVI веку сословия в Польше ещё не сложились: несмотря на все попытки и решения сеймов сословная граница осталась достаточно проницаемой. По мнению М.В. Дмитриева, когда Конституция третьего мая 1791 года, принятая королём Станиславом Августом Понятовским, уравнивала в правах всё население Речи Посполитой, **Польша перескочила через стадию изолированных друг от друга сословий к непосредственному равноправию**. Хотя вскоре Конституция третьего мая была отменена в результате второго раздела Польши, её значение нельзя недооценивать, поскольку она послужила базой для развития в XIX в. польской национальной идеологии Нового времени.

Наиболее полно в отечественной науке идеология польского сарматизма охарактеризована в монографии М.В. Лескинен «Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой»¹⁹. Автор глубоко и во многом исчерпывающе проанализировала основные источники эпохи сарматизма и посвящённую ей историографию. М.В. Лескинен пишет: «интерес к генезису, «началам» любого рода явлений – характерная черта мифологического сознания»,

¹⁷ Wyczański A. Uwarstwienie społeczne w Polsce XVI wieku. Wrocław: Zakład narodowy im. Ossolińskich, 1977. S. 26-69.

¹⁸ Дмитриев М.В. Указ. соч. С. 198.

¹⁹ Лескинен М.В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М: ИСлРАН, 2002. 178 с.

ведь для человека Средневековья и раннего Нового времени «определить генезис – значит объяснить»²⁰. Желая объяснить и обосновать существование шляхетской республики, жители польско-литовского государства обращались к существовавшей исторической традиции. Средневековая ориентация на Библию, как главный исторический источник, и ренессансный интерес к античности породили основы сарматской идеологии. Идея избранного народа, взятая из Ветхого Завета, и идея славных сарматских предков, взятая из античной историографии, заложили основы идеологии сарматизма. Существенную роль при этом сыграла и католическая идея «Божьего воинства», косвенно произрастающая из Ветхого Завета, но наиболее реализовавшаяся в идеологии крестовых походов и затем в расцвете европейского рыцарства.

М.В. Лескинен отмечает, что, когда сарматская идеология только зарождалась, одной из основных причин её зарождения был поиск общего прошлого с европейскими, славянскими народами и народами древности, однако затем в XVI-XVII вв. акцент сместился на **исключительность польского государства и народа**²¹.

Отечественная историография, посвящённая эпохе сарматизма, сравнительно невелика. Однако это не мешает ей быть глубокой и основательной, поскольку занимавшиеся этой тематикой исследователи не только на высоком уровне изучили огромное количество польских источников, но и, проанализировав их, выработали полноценную концепцию сарматизма. Существенно, что интерес к проблеме польского мессианства характерен не только для историков, но и для искусствоведов и литературоведов. Для ещё большего понимания идеологии сарматизма, на наш взгляд, необходимо, основываясь на данных прежних польских и отечественных исследователей, глубоко анализируя первоисточники, обратиться к методу сравнительного анализа польского и чешского мессианизмов. Такое сравнение поможет глубже понять истоки и смысл идеологических концепций этих западнославянских народов.

²⁰ Указ. соч. С. 41.

²¹ Там же. С. 50.

Научная новизна нашего исследования заключается в том, что в нём впервые в отечественной исторической науке производится сравнительный анализ чешского и польского позднесредневекового мессианизма. Рассматриваемые по отдельности в своей национальной специфике, мессианистические представления западнославянских народов никогда ранее не сравнивались с позиции их культурной близости. Благодаря этому подходу, мы надеемся открыть для исследователей новые, ранее неизвестные стороны мессианизма. На это направлен анализ различий и сходств идеологии богоизбранного народа в чешской и польской культурах позднего Средневековья и раннего Нового времени, позволяющий выявить общее и частное, закономерное и уникальное.

Методологические основы исследования.

Для исследования столь многогранной темы необходим междисциплинарный подход, ведь в рамках исследования приходится сталкиваться с источниками совершенно разных типов – от богословских трактатов до сатирических песен. Главными методами нашего исследования являются историко-описательный метод и метод сравнительного анализа, т.к. важно не только описать процесс развития идеи богоизбранности в культуре каждого из выбранных славянских народов, но, в первую очередь, сравнить их между собой.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Идея богоизбранного народа у западнославянских народов базируется на свойственной человеческой культуре **делении мира на «свой» (хороший) и «чужой» (плохой)**. Мессианистские идеи у западнославянских народов возникали на фоне постоянных военных столкновений с соседями и получали наибольшее распространение в периоды **расцвета государства**, однако в периоды его упадка не исчезали совсем, а претерпевали трансформацию, иногда даже более акцентировались в периоды кризисов общества (гуситы, Барская конфедерация). Национальное самосознание западнославянских народов во многом формировалось в

борьбе против **внешней агрессии**, поэтому для их мессианизма характерно представление о нахождении в постоянном вражеском окружении, что ещё более актуализировало авторепрезентацию этих этносов как богоизбранных.

2. Идея богоизбранности в культуре западнославянских народов основана на **ветхозаветной идее** богоизбранного еврейского народа. В частности, это касается образа **земли обетованной («рая на земле»)**, который как чешские, так и польские мыслители относили к собственной стране, так что населяющий её народ воспринимался как избранный Богом.

3. Национальный мессианизм западнославянских народов строился на этногенетическом мифе, **мифологизации и идеализации прошлого**. В частности, это характерно для «Чешской хроники» Джованни Мариньолы и так называемого «сарматского мифа» об отдельном этногенезе польского дворянства. Образ князя Вацлава, святого покровителя Чехии, традиционный для культуры зрелого Средневековья, в XIV в. в рамках чешской мессианской идеи превратился в образ **вечного (истинного) правителя страны**. В польском сарматизме образ вечного правителя также имел место, однако возник он гораздо позже (в XVII в.) и относился не к традиционным покровителям королевства, святым Войтеху и Станиславу, а к самой Деве Марии. Это можно объяснить в первую очередь, отсутствием в польской средневековой традиции культа святого правителя. В связи с этим идея «вечного правителя» в своём польском варианте имеет более выраженные религиозные основания, чем политические (как в чешском). Вера в христоподобного вечного правителя выражала веру в богоизбранность всего государства и его населения: личность правителя, династия и система государственного устройства считались священными, хотя эти представления менялись в зависимости от реального положения сил в стране.

4. Помимо библейских основ, важным фактором, формирующим позднесредневековый мессианизм западнославянских народов, являются концепции **«Roma aeterna»** и **«Translatio imperii»**, которые посредством культурного и идеологического влияния Священной Римской империи и идеологии папского Рима переносились западнославянскими мыслителями позднего Средневековья и раннего

Нового времени на современные реалии их национального развития. Идея **Божьего воинства**, произраставшая из идеологии крестоносцев и средневекового католического рыцарства («защитников христианства»), тесно переплеталась с идеей христианского братства, применяемой по отношению к конкретному этносу (или его части).

5. **Основа мессианских идеалов позднего Средневековья – идея чистоты христианской веры**, которая считалась главным показателем близости конкретного народа к Богу. Народ, «знающий Истину», с точки зрения христианства был обязан защищать её от врагов и искажений, проповедовать её всем окружающим. Массовое распространение западнославянского мессианизма было бы невозможно без **высокого уровня религиозной грамотности** населения, подготовленного предшествовавшей ему активной актуализацией христианских идеалов (движением «devotio moderna», Пражским университетом и Контрреформацией).

6. Принцип «**vox populi – vox Dei**» является крайне важным для позднесредневекового мессианизма западнославянских народов. Считалось, что, если народ избран Богом, значит его воля созвучна с волей Создателя, а всякий кто ей противостоит (даже король или папа римский) является не только врагом этого народа, но и врагом Бога. Принципиальное отличие позднесредневекового **чешского мессианизма** от польского заключается в том, что Карл IV и гуситы включали в состав избранного «populus» всех жителей королевства, говорящих по-чешски, в то время как сторонники сарматизма по преимуществу считали народом лишь дворянство, «политическую нацию».

7. Хотя идея богоизбранного народа в общественно-политической мысли западнославянских народов позднего Средневековья и раннего Нового времени основывается на культурных образцах общеевропейской христианской идеологии в ней наблюдается ряд уникальных черт: таковы **идея защиты Священного Писания** (и вытекающая из неё практика утраквизма) в чешском мессианизме и **идея «золотой вольности»** – в польском. Эти идеи стали ключевыми и определяющими для общественной мысли этих западнославянских народов. Возвращенные конкретными историческими условиями, попав на почву идеологических поисков, связанных с

позднесредневековым кризисом общеевропейской католической идеологии, эти идеи стали основаниями для возникновения у западнославянских народов на пороге Нового времени самостоятельных национальных идеологий.

Апробация материала.

Многие имеющиеся в данной работе материалы использовались с 2011 по 2018 гг. в рамках докладов на различных межвузовских и аспирантских конференциях. В частности, это касается докладов «Идея богоизбранности в раннесредневековых западнославянских хрониках» (Международный молодежный научный форум «ЛОМОНОСОВ-2015», февраль 2015 г.), «Сарматский миф и политическое устройство Речи Посполитой в XVI–XVII вв.» (молодёжная научная конференция «Славянский мир: общность и многообразие» 23-24 мая 2017 г.), «Между Римом и Прагой. Ян Пршибрам – католический гусит и гуситский католик» (молодёжная научная конференция «Славянский мир: общность и многообразие» 22-23 мая 2018 г.), «Богом данная миссия славян в «Чешской хронике» кардинала Джованни Мариньолы (XIV в.)» (международная научно-практическая конференция «Славянский вопрос: новые парадигмы мышления» 10-11 декабря 2018 г.). Тезисы этих докладов были опубликованы, а некоторые из них затем были дополнены и преобразованы в статьи: «Между Римом и Прагой. Ян Пршибрам – католический гусит и гуситский католик» [Славяноведение, №2. М.: 2019. С. 3-13], «Идея богоизбранности чехов в «Чешской хронике» Джованни Мариньолы» [Славянский альманах, Вып. 1-2. М.: 2019. С. 13-28] и «Польша – государство избранного народа: образ Польского королевства в речах Станислава Ожеховского» [Славянский альманах, Вып. 3-4. М.: 2019. В печати].

Структура работы.

Основная часть нашей работы делится на две главы: «Идея богоизбранного народа в чешской общественно-политической мысли» и «Сарматизм как специфическая польская форма идеологемы богоизбранности».

В первой главе чешская идеологема богоизбранности рассматривается в диахронном срезе от Козьмы Пражского до эпохи Иржи из Подебрад. Период, когда в чешской общественно-политической мысли лидирующее значение имел мессианизм, ограничивается XIV-XVI вв.: от воцарения Карла Люксембурга (1346 г.) до смерти Иржи из Подебрад (1471 г.). Отрезок времени между Иржи из Подебрад и сражением у Белой горы в нашем исследовании фактически не рассматривается в связи с тем, что основные принципы чешского мессианизма были сформулированы в период его активной стадии, и после смерти короля Иржи находились, по преимуществу, в стадии стагнации, пока не были уничтожены в результате разгрома чешских сословий войсками империи в битве у Белой горы (1620 г.). Более ранний идеологический мессианизм Пршемысла Отакара II, направленный на внешнеполитическую арену, оказался за рамками нашего исследования, поскольку относится к зрелому, а не позднему Средневековью, и не получил широкого распространения среди современников.

Первая глава разделена по хронологическому принципу на четыре раздела. Первый из них касается предпосылок чешского мессианизма, характерных для чешской хронистики: в частности, в ней анализируются тексты хроник Козьмы Пражского (XII в.) и так называемого Далимила (XIV в.), пользовавшихся большим авторитетом у современников. Второй и третий разделы посвящены эпохе Карла IV: второй касается личного вклада императора в процесс формирования чешской идеи богоизбранного народа, а третий посвящён придворной хронистике и идеологии его времени. Четвёртый раздел посвящён мессианизму гуситской эпохи и делится на четыре подраздела, в соответствии с характерными для этой эпохи общественными группами: 1) раннее гуситство, 2) табориты и другие радикалы, 3) умеренные гуситы, 4) чешские католики.

Во второй главе работы рассматриваются наиболее яркие примеры польской сарматской идеологии XVI-XVII вв. в их непосредственной связи с темой национального самосознания польских интеллектуалов этой эпохи. Важным аспектом здесь является вопрос этногенеза, по-разному решаемый идеологами польского сарматизма. Мы не вышли за рамки «золотого века» польской шляхетской

республики, поскольку основные принципы идеологии богоизбранности были сформулированы именно в этот период и только ретранслировались последующими поколениями мыслителей. Для удобства восприятия польская глава была разделена на три тематических раздела, в соответствии с тремя основными идеологиями сарматизма: идеей шляхетской республики, идеей польского рыцарства как «Божьего воинства» и идеей верности католической вере.

В заключении производится сравнительный анализ фактов развития мессианизма у западнославянских народов в позднее Средневековье и раннее Новое время, выделяются сходства и закономерности, предлагаются варианты объяснения различий.

Выводы исследования.

Идея богоизбранного народа в её позднесредневековом варианте – историко-культурный феномен христианской Европы, основанный на общих цивилизационных посылах западнохристианской культуры Средневековья. В то же время у западнославянских народов этот феномен приобрёл ряд уникальных черт, несвойственных другим народам Европы.

Как чешский, так и польский позднесредневековый мессианизм строится на культурной и идеологической **оппозиции «свой-чужой»**. Наиболее ярко это заметно в случае противопоставления «немцам». Как чешские хронисты называли немцев «извечными врагами» (см. хронику так называемого Далимила и «Старый чешский летописец»), так и польские шляхтичи утверждали, что «никогда не будут братьями» немцам²². Дистанцирование от немцев, с которыми на протяжении многих столетий велись длительные боевые действия было естественным идеологическим ответом на внешнюю агрессию последних. В условиях войны враг демонизировался, а собственные войска, наоборот, идеализировались. Хрестоматийный пример из хроники Козьмы Пражского как нельзя лучше отображает этот принцип: «Враги воюют затем, чтобы грабить чужое, мы же – чтобы защищать нежных детей и дорогих

²² Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia / Wyd. J. Czubek. Kraków, 1906. S. 33.

жён»²³. Впрочем, границы «свой-чужой» были весьма подвижными, и если для чехов эпохи Карла IV немец означал «своего», мирного соседа по империи, то уже при его сыне Вацлаве IV и гуситах именно засильем «чужих» немцев объяснялись беды чешского народа. В случае польского мессианизма следует в большей степени сказать даже не о противостоянии немцам, сколько о противопоставлении своего народа православным «москалям», шведским протестантам, «неверным» туркам и татарам. На своём позднем этапе сарматская идеология даже отказывала москвитам в праве считаться родственниками поляков-сарматов, их считали потомками скифов, более варварского (с точки зрения сарматистов²⁴) племени, которое считалось родственным татарам²⁵.

Национальное самосознание западнославянских народов родилось в **борьбе против внешней агрессии**. Как в Чехии, так и в Польше: именно благодаря противостоянию немецким крестоносцам в XV в. (имперским – в случае чехов и тевтонским – в случае поляков) возник сам вопрос: что значит быть чехом/поляком, и чем они отличаются от немцев? Отстаивая с оружием в руках собственную государственность, как чехи, так и поляки воспринимали себя в качестве защитников правды и справедливости. Этот факт означал для них безусловную божественную поддержку. Считалось, что сам Бог сражается на стороне тех, кто борется за справедливость против вероломных врагов²⁶. Христианские идеалы Средневековья резко осуждали несправедливость, поэтому, испытывая её по отношению к

²³ Козьма Пражский. Чешская хроника. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. С. 52.

²⁴ В нашем исследовании мы впервые в отечественной науке используем англоязычный термин «sarmatist», который является производным от слова «sarmatism» и обозначает конкретных носителей идеологии сарматизма. Мы считаем, что использование данного термина поможет более лаконичному и конкретному описанию реалий истории и культуры Речи Посполитой. Введение данного термина в русскоязычную литературу основывается на аналогии с другими подобными терминами: представитель классицизма – классицист, сторонник коммунизма – коммунист, соответственно, и сторонник идей сарматизма может быть назван сарматистом.

²⁵ Maciejewski J. Op. cit. S. 16.

²⁶ Флоря Б.Н. Западная империя и её восточные соседи в восприятии первых западнославянских хронистов. С. 29.

собственному народу, чешские и польские мыслители подчёркивали, что Бог на их стороне, даже если против них действует «богоизбранная» империя.

В то же время **образ христианской империи** играл немаловажную роль в процессе формирования идеологемы национальной богоизбранности у западных славян. В эпоху Средневековья империя воспринималась как всемирное христианское государство, благословлённое Богом на защиту истинной веры от язычников и еретиков: «Новый Израиль» и «Новый Рим» в одном лице. Чешское королевство входило в состав Священной Римской империи, активно участвовало в её политической и культурной жизни, более того, при Карле IV оно превратилось в центр империи, а Прага стала «сердцем Европы». Благодаря этому идеологические установки империи переносились на Чешское королевство и населяющий его народ. Мы можем с уверенностью говорить о факте **translatio imperii ad Bohemos** в эпоху Карла. Пытаясь надолго закрепить за династией Люксембургов императорский трон, Карл IV и хронисты его двора (особенно, Джованни Мариньола) способствовали тому, что чешский народ стал восприниматься как избранный Богом для защиты империи и истинного христианства. Гуситы отвергли саму Священную римскую империю, но её суть и смысл (образ единственного в мире истинно-христианского государства) ещё более актуализировали в своей деятельности и идеологии, перенеся этот образ на Чешское королевство.

Польша в империю не входила, но имперская идея сыграла немаловажную роль и в формировании польского мессианизма. Развитие Реформации на территориях германских княжеств воспринималось в католической Польше XVI в. как крах империи, основы христианского мира²⁷. Если Священная Римская империя, призванная охранять истинное христианство, не справилась с этой задачей и сама подпала под влияние протестантизма, то её должно заменить другое государство, сохранившее верность католицизму. Таковым поляки считали Речь Посполитую – «оплот католицизма» среди моря ересей и язычества. Войцех Демболенцкий мечтал,

²⁷ Dembołęcki W. Wywód jedynowłasnego Państwa świata. Warszawa: Drukarnia Jana Rossowskiego, 1633. S. 106.

что, когда Польша победит турецкую империю, она будет владеть всем миром²⁸. Такую национальную идею можно назвать **translatio imperii ad Polonos**. Основанная на синтезе ветхозаветной идеи богоизбранного народа, христианского вероучения и римской имперской идеи, концепция христианской империи как нельзя лучше выражала политические идеалы Средневековья, поэтому её с такой отзывчивостью приняли как в Чехии, так и в Польше.

Западнославянскому мессианизму свойственна также и **римская идея**. Как чешские, так и польские хронисты постоянно подчёркивали римское происхождение собственной государственности. Пулкава указывал на особую привязанность чешских королей к «апостольской столице», изображал Прагу в качестве нового Рима²⁹. Польские сарматисты видели в Римской республике образец для собственной государственности, считали себя единственными настоящими наследниками Рима. При этом, если для чешских мессианистов идея Рима имела чисто средневековые формы и соотносилась с Римом как с «апостольской столицей» и центром христианской империи (см. хроники Карлова круга и гуситские полемические тексты), то для польских сарматистов, испытавших влияние эпохи Возрождения, Рим и Афины выступали в качестве античных образцов гармоничного устройства человеческого общества, их религиозное значение отходило на задний план (см. речи Ожеховского и других сарматистов). Отметим, что как сарматисты, так и хронисты Карлова круга пытались привязать историю собственного государства к истории Рима и всей европейской цивилизации, чтобы доказать окружающим его древность. И те, и другие в итоге сумели вписать свои народы в современные представления об истории мира и тем самым дали «научные» (с точки зрения эпохи) основания для

²⁸ Ibid.

²⁹ Přibík z Radenína, řeč. Pulkava. Op. cit. S. 245-247.

О популярной в эпоху Карла IV концепции «Прага – Новый Рим» см. Kubínova K. *Imitatio Romae. Karel IV. a Řím*. Praha, 2006; Opačić Z. *Emauzský klášter a Nové Město Pražské: slovanská tradice, císařská ideologie a veřejný ritual v Praze 14. století // Emauzy. Benediktinský klášter Na Slovanech v srdci Prahy / Ed. Benešová, K. Kubínova. Praha, 2005. S. 32-60; Kuthan J., Royt J. *Karel IV. Císař a český kral – vizionář a zakladatel*. Praha: Lidové noviny, 2016.*

развития мессианистских идей (в Чехии этой цели достиг Мариньола, в Польше – Мачей Меховский).

Определяющей чертой национального мессианизма позднего Средневековья является **мифический этногенез**, в следствие которого как чехи, так и поляки воспринимали себя в качестве потомков славных и могущественных предков, чем изначально обосновывалось их превосходство над противниками, а затем и над всеми народами вообще. Псевдо-Далимил писал о том, что все чехи являются потоками знатного вельможи Чеха и его благородной свиты³⁰, Мариньола писал, что все чехи – потомки славного и солнечного Элисы-Гелиоса³¹, польские сарматисты считали себя потомками воинственных сарматов³². Такое отношение к происхождению своего народа указывает на общий характер чешского и польского мессианизма, который непременно базировался на прошлом. По остроумному выражению М.В. Лескинен «идеология принимала форму мифа, а миф – форму идеологии»³³. Современные реалии (как позитивные, так и негативные) позднесредневековые мыслители старались объяснить причинами из прошлого через **идеализацию предков** и создание образа «золотого века». Как чешские, так и польские мыслители писали, что предки оставили им столь большое и сильное государство, поскольку жили справедливо и благочестиво³⁴.

Впрочем, часто возвышенные патриотические и мессианистские идеалы оправдывали **«национальный» или сословный эгоизм**. В хронике Пулкавы духовные нужды чехов ставились выше духовных нужд соседей-поляков: «чехов утешение» превращалось в уважительную причину для ограбления польской Церкви, несмотря на то что поляки тоже являлись католиками. Откровенно грабительские

³⁰ Nejstarší česká rýmovaná kronika tak řečeného Dalimila. Praha: ČSAV, 1957. S. 20.

³¹ Marignola J. Česká kronika // Kroniky doby Karla IV. Praha, 1987. S. 459.

³² Pelc J. Sarmatyzm a barok // Problemy literatury staropolskiej. T.1. Wrocław: IBL PAN, 1972. S. 105.

³³ Лескинен М.В. Указ. соч. С. 62-63.

³⁴ Orzechowski S. Mowy Stanisława Orzechowskiego. Sanok: Pollak, 1855. S. 93; Marignola J. Op. cit. S. 448.

действия оправдывались возвышенными словами о духовном утешении³⁵. Такое идеологическое самооправдание вполне характерно для общественно-политической мысли гуситов (Ян Желивский и табориты) и сарматистов (см. характерные двойные стандарты в «Польской хронике» Матея Меховского, а также противопоставление простому народу, характерное для польского дворянства).

Одна из важнейших черт богоизбранного народа с точки зрения средневекового мировоззрения – это **чистота христианской веры**. Именно она определяла для людей Средневековья степень близости/отдалённости народа от Бога. «Чистота веры» обуславливала как принадлежность к «наисвятейшему» чешскому народу у Иеронима Пражского³⁶, так и сопричастность народу сарматов у членов Барской конфедерации. Гуситы связывали чистоту веры с точностью исполнения правил Священного Писания, из которой следовала обязательность причащения мирян под двумя видами. Как первое, так и второе было нехарактерно для современного католического мира. Ян Желивский формулировал избранность гуситов следующим образом: «Нам доступен Христос, мы видим его и прикасаемся к нему в причастии... и не только видим, но и вкушаем»³⁷. В польском мессианизме такая специфика отсутствует, сарматисты оставались верны строго католическому пониманию веры и её чистоты, поэтому в отличие от гуситов не искали диалога с другими конфессиями, а боролись против «схизматиков» и «еретиков». Впрочем, с последними боролись и гуситы, но понимали их по-своему, считая католиков одними из них.

Начиная с XIII в. понятие «христианский мир» для представителей европейской цивилизации ограничивалось католическим миром Западной Европы: православные

³⁵ Přibík z Radenína, řeč. Pulkava. Kronika česká // Kroniky doby Karla IV. Praha, 1987. S. 238.

³⁶ Výbor z české literatury doby husitské (sv. 1.) – red. B. Havlánek Praha: Nakladatelství ČSAV, 1963-1964. S. 212.

³⁷ Želivský J. Výzva Jana Želivského – výbor z kázání.: Praha: Ústřední církevní nakladatelství, 1954. S. 97-99.

страны из этого понятия полностью исключались³⁸. Чешский гуситский мессианизм – первая европейская идеология, которая сумела **выйти за конфессиональные рамки**. Для гуситских теологов православные «схизматики» перестали играть роль врагов христианства, превратились в защитников его альтернативного и даже во многом более правильного варианта. Границы христианского мира значительно расширились: многие утраквисты были готовы к диалогу с «еретиками» вальденсами. Для польского мессианизма такой выход за рамки католического мира совсем нехарактерен, католики-сарматы, наоборот, противопоставлялись всем некатолическим соседям. Однако даже у сарматистов довольно часто встречался призыв к **объединению «всех христиан»** (в том числе и протестантов) против наступающей исламской агрессии. Одновременно с этим многие польские протестанты поддерживали основные идеалы сарматизма, полностью отвергая при этом католическое вероучение. В то же время русские «схизматики» в общественно-политической мысли сарматизма XVII в. однозначно воспринимались и представлялись как враги истинного христианства³⁹.

Отметим также, что как для гуситов, так и для сарматистов важной была идея **проповеди истинной веры** незнающим её народам. Сарматисты не просто считали, что защищают христианский мир от внешних врагов, но и старались проповедовать языческим и православным соседям, гуситы не просто воевали с захватчиками, но и рассылали им свои манифесты и «прелестные» письма.

Ветхозаветная **идея земли обетованной** играет в западнославянском мессианизме существенную роль. Ещё Козьма Пражский в XII в. считал Чехию «лучшей землёй», и такое отношение характерно для всей позднейшей чешской хронистики. Чешская земля предстаёт в качестве благословенной и дарованной

³⁸ О понимании словосочетания «христианский мир» в позднесредневековой Европе см. Барлетт Р. Становление Европы: Экспансия, колонизация, изменения в сфере культуры. 950-1350 гг. М.: РОССПЭН, 2007.

³⁹ Об отношении польской шляхты эпохи сарматизма к русскому государству см. Филюшкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI века глазами современников и потомков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 880 с.

Богом, а народ, её населяющий, воспринимается в качестве нового избранного народа – по аналогии с народом израильским. То же самое мы можем наблюдать и у польских мыслителей: Ян Остророг в конце XV в. говорил папе римскому, что Польша богата «плодородными землями, источающими молоко и мёд»⁴⁰. Этот образ употреблял и Мачей Меховский, описывая Великое княжество Литовское⁴¹. Библейская концепция данной Богом земли в работах позднесредневековых мыслителей трансформировалась в актуальную и насущную для них реальность. До самого конца Речи Посполитой поляки верили, что Польша – «щит и житница Европы», без которой «христианский мир» погибнет от голода и нехристианской агрессии⁴².

Параллельно с образом «земли обетованной» в общественно-политической мысли чехов и поляков существовал образ **«рая на земле»**: Джованни Мариньола первым назвал Чешское королевство «раем всех земных раев»⁴³, Желивский и табориты считали, что готовят пришествие Царства Божия «сначала в Чехии», а потом по всему миру⁴⁴, сарматисты же были уверены, что Бог радуется, глядя на Речь Посполитую, **образ царства небесного на земле**⁴⁵.

Другая характерная черта западнославянского мессианизма – идея **воинства Божия**, косвенно произрастающая из Ветхого Завета, но более раскрывшаяся в идеологии крестовых походов и европейского рыцарства. Козьма Пражский писал о том, что меч у князя для того, чтобы «чаще омывать его в крови грешника»⁴⁶. Гуситы считали, что они – «*bojovnícy Pána*» (воины Господни), которым Бог через борьбу открыл двери рая. Табориты объявляли себя орудием возмездия Бога за грехи, которое призвано карать «всех явных грешников и грешниц». Съезд таборитов

⁴⁰ Цит. по: Kot S. Op. cit. S. 4.

⁴¹ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.: АН СССР, 1936. С. 95-96.

⁴² Tazbir J. Op. cit. S. 76.

⁴³ Marignola J. Op. cit. S. 457.

⁴⁴ Želivský J. Op. cit. S. 31.

⁴⁵ Cynarski S. Sarmatyzm – ideologia i styl życia // Polska XVII wieku. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1969. S. 241.

⁴⁶ Козьма Пражский. Указ. соч. С. 106.

рассматривался не как простое собрание, а «совет Господа Бога со всеми верными», орудие воли Божией на земле. Они считали, что «Господь Бог... сам за нас снисходил воевать»⁴⁷. Защита отечества и истинной, «своей» веры считалась главной задачей чешского народа перед лицом врага и антихриста. **Битвы с врагами утраквизма изображались как «Божий бой», а все погибшие со стороны гуситов объявлялись мучениками за истинную веру.** Таборитские священники призывали «умыть руки в крови противников Закона Божия и тем освятиться»⁴⁸.

В польской традиции мы можем наблюдать аналогичные процессы. Польские капелланы принимали участие в битвах с врагами Речи Посполитой, поскольку они объявлялись священным боем за веру против врагов христианства⁴⁹. Защита «отцовской веры» считалась богоугодным и святым делом, поэтому гибель на поле боя якобы искупала грехи, а кровь врага, убитого в таком бою, не оскверняла. В польских храмах наравне с иконами вешались изображения битв поляков с врагами, а победы польского оружия превращались в церковные праздники. Польша воспринималась как «бастион христианства», «крайнее христианское государство», которое защищает от «неверных» не только себя, но и всю Европу. Вплоть до второй половины XVIII в. шляхта жила нормами и идеалами Высокого Средневековья. По меткому выражению Я. Тазбира, сарматисты пытались «оставаться крестоносцами на Святой Земле», не замечая, что мир изменился⁵⁰. **При этом Святой Землёй для них стала сама Речь Посполитая – оплот и бастион христианского мира.**

Образ Божьего воинства в западославянском мессианизме перекликался с образом **христианского братства**. Как у гуситов, так и у сарматистов важнейшим компонентом религиозной и общественной жизни выступало равенство и братство

⁴⁷ Výbor z české literatury doby husitské, sv. 1. S. 450-451.

⁴⁸ Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника / перевод Цепкова А.И. Рязань: Александрия, 2009. С. 132.

⁴⁹ Tazbir J. Op. cit. S. 104.

⁵⁰ Ibid. S. 76.

друг с другом. Все утраквисты считались возлюбленными Богом братьями во Христе, то же самое писали о шляхте сарматские идеологи.

Богоизбранный народ в западнославянской традиции воспринимался как находящийся в **окружении врагов**. Чешские гуманисты писали о Чехии: «сколько соседей у королевства – столько и врагов»⁵¹. Польские сарматисты практически теми же словами писали, что окружение Польши иноверцами и «еретиками» – это особый промысл Божий о ней. Ян Остророг писал, что «Корона Польская <...> полностью врагами окружена»⁵², среди сарматистов господствовало мнение, что «враг [поляков] окружил отовсюду»⁵³. Присутствовала в позднесредневековом мессианизме западнославянских народов и характерная **демонизация окружения**: соседним народам приписывались самые отвратительные с точки зрения средневекового человека пороки, а собственный народ зачастую восхвалялся и прославлялся с моральной точки зрения.

Образ святых-покровителей западнославянских народов в мессианизме претерпел значительную трансформацию. Святой Вацлав к XIV в. превратился для большинства чехов в **«вечного правителя»** королевства (Rex Perpetuus) – единственного полноправного господина чехов и их государства, лишь на время передающего функции управления очередному представителю своей династии. То же самое произошло с образом Богоматери в польском мессианизме, но гораздо позже: в середине XVII в. Дева Мария стала восприниматься как «вечная королева» Польского королевства⁵⁴. Её образ прошёл эволюцию от абстрактной заступницы государства до вечной правительницы Польши, защитницы шляхетских свобод, отвечающей за целостность и безопасность Речи Посполитой.

⁵¹ Jana z Rabštejna Dialogus. Praha: Matice česká, 1946. S. 94-96.

⁵² Цит. по: Strzelecki A. Sejm z r. 1605. Kraków: Polska Akademia umiejętności, 1921. S. 110.

⁵³ Pisma polityczne z czasów rokoszu Zebrzydowskiego, 1606-1608. T. II. Kraków: Nakładatelstwo Akademii Umiejętności, 1918. S. 415.

⁵⁴ Nieznanowski S. Matka Boska w poezji baroku i czasów saskich // Matka Boska w poezji polskiej. T.I: Szkice o dziejach motywu. Lublin, 1959. S. 52-53.

В то же время, необходимо отметить, что между чешским и польским мессианизмом в данном аспекте существует существенное различие: «вечным правителем» Чехии считался один из её действительных князей, культ которого насчитывал не одну сотню лет, в то время как в Польском королевстве на эту роль была избрана Дева Мария, которая никогда им не управляла. Это можно объяснить в первую очередь, отсутствием в польской средневековой традиции культа святого правителя. Этот факт, вероятно, связан с традиционной для Польши широкой автономией входивших в королевство земель и слабой княжеской, а затем и королевской, властью. В связи с этим идея «вечного правителя» в своём польском варианте имеет более выраженные религиозные основания, чем политические (как в чешском).

Сакрализовалось само государство: для чехов XIV в. королевская корона превратилась в гарант единства страны, которая основывалась теперь не на личной власти короля, а на сакральной силе, выраженной в образе чешской короны. В рамках созданного Карлом IV чина коронации чешского короля **сакрализовался даже чешский язык**. Гуситы, во многом сохранили такое отношение к короне и языку, поскольку подчёркивали как свою верность Чешской короне – в противовес династии Люксембургов, так и верность национальному языку – в противовес «католической» латыни. Для польских сарматистов образ Речи Посполитой тоже выступал в качестве сакрального. Общественные отношения сакрализовались – попытки изменения **«богоустановленного» политического устройства Речи Посполитой** рассматривались как святотатство (см. речи Ожеховского, выступления сарматистов на сеймах), а о государстве говорили в категориях религиозной морали. В таком контексте польский язык также зачастую рассматривался сарматистами как священный и один из древнейших (Демболенцкий).

Государственные праздники и политические события тоже сакрализовались. Как у гуситов, так и у чешских католиков возникли **новые церковные праздники**, связанные с актуальной повесткой: гуситы отмечали дни памяти «святых мучеников» Яна Гуса и Иеронима Пражского, а католики – дни победы над чашниками в Пльзне и

Мосте⁵⁵. Создавались богослужения, посвящённые этим событиям, которые осмысливались соответственно идейным позициям сторон. Сарматисты также праздновали дни победы над турками как церковные праздники: подчёркивали идею **спасения христианства от неверных**.

Характерной чертой чешского мессианизма, несвойственной польскому, является феномен **столичного (пражского) мессианизма**. В эпоху Карла в среде близкой к Пражскому университету возникла и выросла столичная идеология, основанная на том, что Прага стала центром империи и архиепископства, университетской столицей Центральной Европы. Родившись в Праге в среде образованных интеллектуалов, эта идеология распространилась отсюда по всей остальной стране. Имперская Прага Карла IV выступала в качестве «Нового Иерусалима» и «Нового Рима», который Бог избрал на роль «высочайшей превознесённой столицы» всего мира. Чешское духовенство возводило к апостолу Петру, фактически уравнивая Прагу с Римом, превращая её в новый центр христианского универсума. Эта идея сыграла существенную роль во времена гуситов, когда богословие чешского духовенства было поставлено выше папского авторитета⁵⁶, а Прага превратилась в место второго пришествия Христа, избранный Богом центр спасения человечества, оплот возрождения христианства. Параллельно подобные идеи развивались и в лагере таборитов: в песне «Дети, вместе сойдёмся» Табор изображался как богоизбранный Иерусалим⁵⁷. У поляков идея богоизбранной столицы не получила такого развития, однако идея «Нового Иерусалима», как копии города, где Христос умер и воскрес, на территории Польши в эпоху барокко была крайне популярна.

В некотором роде западнославянскому мессианизму свойственна идея **святой династии** и её производные. Основываясь на христианской концепции «древа Иессеева», из которого происходил Христос, средневековые хронисты видели в современных им королевских родах благословенные Богом династии, благодаря избранности которых и подчинённый им народ приобретает божественное

⁵⁵ Šmahel F. Op. cit. S. 165.

⁵⁶ Мельников Г.П. Указ. соч. С. 400.

⁵⁷ Výbor z české literatury doby husitské, sv. 1. S. 325.

благословение. В Чехии XIV в., благодаря деятельности Карла IV, сложилось представление о том, что Бог избрал Пршемысла-пахаря и его род, из которого впоследствии родился святой Вацлав, вечный правитель Чехии, которого временно замещает правящий монарх из его династии. Это традиционное для Средневековья представление претерпело серьёзный кризис в эпоху гуситской революции, когда большинство чехов боролось против законного короля Сигизмунда. Для гуситов династия не играла роли, поскольку главным для них была чистота веры. В процессе развития гуситской идеологии исчезла характерная для зрелого Средневековья связь понятия «народ» с правителем. То же самое можно сказать и о большинстве польских сарматистов, отстаивавших выборность короля. Изначально в польской хронистике, начиная с Галла Анонима (XII в.), первая польская династия (Пясты) изображалась в качестве избранной Богом. Возникновение этой династии связывалось с легендарным землепашцем Пястом, потомки которого были вознесены Божьим промыслом на княжеский престол. Считалось, что Бог избрал Пяста за его верность христианским идеалам и заповедал ему и его сыновьям особую миссию по созданию единого польского государства. Сформировалось представление о том, что в каждом новом поколении потомков Пяста «возрождается природа предков, наделённых Богом «естественной властью» и особой связью с землёй и народом»⁵⁸. В эпоху зрелого Средневековья в идеологических конструктах западнославянских народов существовала параллель: Пршемысл (Пршемысловцы) – Пяст (Пясты). Однако в эпоху позднего Средневековья эти представления трансформировались: в первую очередь в связи с тем, что указанные династии прекратили своё существование, так что сама по себе династия переставала быть священной. В Польском королевстве это привело к тому, что функции «священной династии» полностью перешли к сеймам и выбранным ими конкретным королям. Любопытно, что для польских элекционных сеймов XVI в. характерны дискуссии вокруг легенды о Пясте, в рамках которых

⁵⁸ Карлина С.Н. Христианские мотивы мифа о династии Пястов в хронике Галла Анонима // Славяне и их соседи. Миф и история. Происхождение и ранняя история славян в общественном сознании позднего Средневековья и раннего Нового времени. М., 1996. С. 11.

большая часть дворянства считала недопустимой мысль о простонародном происхождении первой династии.

Для сарматистов главным в государстве был населяющий его «шляхетский народ», а король являлся лишь выразителем воли последнего. Принцип **«vox populi – vox Dei»** для сарматистов и гуситов оказался выше, чем королевский авторитет. Так же считал и автор Далимиловой хроники, для которого страной через своих представителей («лучших мужей», короля и шляхту) управляет именно народ⁵⁹. Это один из важнейших принципов позднесредневекового западнославянского мессианизма: избранный Богом народ превращался в непосредственного **выразителя воли Бога**, которому не нужны посредники вроде короля или папы римского.

По псевдо-Далимилу: только самостоятельное чешское королевство, независимое от империи и других государств, было способно выразить свою волю через «лучших» представителей народа (дворян), а следовательно, и божественный замысел о нём. Те же самые идеи через двести лет мы встречаем у защитников шляхетской республики, с одной, правда, оговоркой: народом Польши они в большинстве случаев считают лишь дворян. Это одно из ярчайших отличий двух рассматриваемых нами мессианизмов – **чешские мессианисты распространяли идею богоизбранного народа на всех жителей королевства, вне зависимости от их социального положения, а польские ограничивали богоизбранный народ правящим сословием.**

Характерным для чешского мессианизма является образ Пршемысла-пахаря, растиражированный Карлом IV и (как мы уже отметили) неприемлемый в контексте дворянского польского мессианизма. Созданный Карлом особый чин поклонения реликвиям, связанным с Пршемыслом, призван был подчеркнуть преемственность и легитимность династии Люксембургов и указывал на **сакральную связь между королём и простым народом в обход дворянства**. Король выступал в качестве выходца из простого народа, который помнит о своём происхождении и преклоняется перед народом и его прошлым. Источником легитимности и благодатности короля

⁵⁹ Мельников Г.П. Указ. соч. С. 363.

становилось его происхождение из простого народа, носителя Божьего благословения. Для польской шляхты источником легитимности короля так же была воля Божия, но выражалась она в воле дворянства, а вовсе не всего народа страны. Характерная черта польского позднесредневекового мессианизма заключается в том, что **сословная принадлежность играет в нём бóльшую роль, чем этническая.**

Принципиально отличает польское мессианство от чешского и гипертрофированная **идея сословной свободы.** Чешские мессианисты фактически не касались этой темы, для них была важна свобода страны и всего её населения, которую они не связывали с политической свободой какого-либо отдельного сословия. Для сарматистов же свобода Польши без сословной свободы шляхты была немыслима, ведь только шляхта и считалась польским народом. Речь Посполитая изображалась как абсолютное исключение среди всех стран мира, **«остров свободы»** среди моря деспотизма. Эта свобода рассматривалась сарматистами как свойство, присущее христианской религии. Христианская Европа изображалась ими как цивилизация свободы, противостоящая схизматикам и еретикам, для которых деспотизм является прирождённым свойством (см. речи Ожеховского). С позиции сарматистов, настоящий христианин непременно должен был быть свободным, в то время как нехристианин – по определению «невольник». Зародившаяся в католической дворянской среде идеология сарматизма впоследствии распространила своё влияние на всё население Речи Посполитой и даже за её пределы, порождая единый идеологический, культурный и поведенческий идеал.

Для Чехии, наоборот, более характерен акцент на этническом и языковом единстве. В XIV в. считалось, что все чехи составляют **семью святого Вацлава** и благословлены Богом, благодаря его заслугам. Главой этой семьи считался правящий монарх, наместник святого Вацлава на земле. **В годы гуситской реформации этническое начало уступило место религиозному:** если в начале гуситы считали, что «ни один чех не может быть еретиком», затем борьба с «неверными чехами» превратилась в одну из их главных задач.

Ещё одно глубинное сходство чешского и польского мессианизмов можно условно назвать **популяризацией христианства.** Наиболее ярко это выразила

сарматская культура эпохи барокко, в своей миссионерской деятельности фактически «перенёсшая» события библейской истории на территорию Речи Посполитой. В то же время, и в Чехии эпохи Карла IV и гуситов одним из главных аспектов деятельности образованной части населения была проповедь и популяризация христианства, которая осуществлялась зачастую через локализацию и конкретизацию библейских заповедей и событий. Просветительская деятельность Карла IV, Яна Милича, Томаша Штитного, Яна Гуса и Пражского университета оказала колоссальное влияние на умы простонародья: так что в Чехии в преддверии гуситской реформации знакомство с основами христианства было гораздо более массовым, чем в соседних странах. Знание и понимание Библии, основанное на её переводах, стало основным отличием жителей позднесредневековой Чехии от соседних народов, следствием которого было и причащение мирян под двумя видами. Постепенно утраквизм стал национальной религией чехов: «чех» означало «гусит», считалось, что истинная вера может быть только чешской, потому что чешский народ за истину «кровь свою проливал»⁶⁰. То же самое можно сказать и о Польше эпохи Контрреформации: Католическая церковь поставила себе целью ликвидировать религиозную безграмотность народа через переводы Библии, проповедь основ христианства и локализацию религиозного культа. В итоге в польском обществе резко повысилась религиозность, которая параллельно приобретала этно-национальные черты. **Высокий уровень религиозной грамотности** простого народа вёл к религиозному осмыслению происходящих в стране и мире событий, подкреплял религиозные основы идеологии богоизбранности. Стоит отметить, что это является уникальной отличительной чертой чешского и польского мессианизмов, поскольку у таких представителей Slavia Orthodoxa, как средневековые сербы, болгары и русские, религиозная грамотность простого народа была на весьма невысоком уровне, однако это не мешало распространению в его среде мессианских идей, берущих начало от образованной элиты страны. Средневековый мессианизм православных южных и восточных славян – отдельная большая и крайне интересная тема, и в нашем исследовании мы её практически не касаемся, однако отметим, что идея

⁶⁰ Die Denkschrift des Breslauer Domherrn Nicolas Tempelfeld. 1889. S. 169-171.

богоизбранности собственного народа не является специфически католической или реформаторской идеологией, в меньшей мере она присуща и народам православным, хотя, конечно, их мессианство имеет свои специфические черты⁶¹.

Таким образом, идея богоизбранного народа в общественно-политической мысли западнославянских народов позднего Средневековья и раннего Нового времени основывается на **культурных образцах средневековой общеевропейской католической идеологии**. Выделенные нами сходства указывают на культурную и идейную близость чешской и польской общественно-политической мысли XIV-XVII вв. В то же время, в мессианизме западнославянских народов наблюдается ряд уникальных черт, отличающих его от общеевропейского. Идеологические модели, выработанные в эпоху позднего Средневековья, не погибли вместе с чешской и польской средневековой государственностью, но сохранились в общественно-политической мысли этих народов, так что в эпоху национального возрождения легли в основание их национальных идеологий Нового времени.

⁶¹ О русском средневековом мессианизме см. Беляев С.А. От митрополита Илариона к старцу Филофею // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М.: РАН, 1995. С. 147-150; Кириллов И. Третий Рим: очерк исторического развития идеи русского мессианизма. М: Т-во Типо-литографии Машистова, 1914; Лисовой Н.Н. Под знаком Софии // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М.: РАН, 1995. С. 58-64.

О сербском средневековом мессианизме см. Чиркович С. Сербия. Средние века. М: Искусство, 1996; Ридэль И.П. Святитель Савва Сербский и идея богоизбранности сербского народа // Сборник тезисов двух Международных молодёжных межвузовских междисциплинарных славистических конференций. Роль славянской молодёжи в процессе устойчивого цивилизационного развития / отв. ред. и сост. И.И. Калиганов. М.: ГАСК, 2014. С. 120-124.